

Возвращение в Харлфундур

Всевидящее небесное око Творца, не моргая, внимательно взирало с небосвода на бренный мир, на тебя, на меня, на каждого жителя каждого города, наблюдая, как люди рождаются и умирают, творят мелкие грязные делишки, совершают великие подвиги и предательства; и делало оно это вчера, сегодня и, поверь мне, не перестанет ни на мгновение следить за всем происходящим завтра и на столько времени вперед, насколько Демиург пожелает продлить испытание человечества миром Дольним. И независимо от того, что оно видело, Око Творца одаривало все сущее своим ласковым теплым светом, отторгая во вне губительную всепожирающую Изначальную Тьму¹...

Обратим же свое внимание на далекие задворки государства Ингиэльм, где небольшая армия орта² Бреку, да длятся годы его до самого дня Всепрощения³, разворачивала лагерь на берегу мелкой каменистой реки: воины спешивались, снимали с обозов скарб, распрягали лошадей. Гул человеческой речи, крики приказов, смех — все это возмущало покой окрестных предгорий. Казалось, вот-вот проснутся часовые — высокие каменные столпы, безмолвно и бессменно стоящие в своем карауле, возможно, от самого Сотворения.

Вдоль берега реки по колено в воде стояли кони и, гулко фыркая, пили воду. Мимо них по мокрой гальке, прихрамывая, шагал старый боргвин — карлик, как называли представителей этой приземистой расы в людской среде. Старик был заключен в тусклый мятый доспех, покрытый выцветшим, сотню раз латанным и потерявшим всякое изображение табардом. Опорой при ходьбе ему служил боевой топор, а спину прикрывал выдавший виды, продырявленный в нескольких местах щит-павеза. Отойдя от лошадей, боргвин с нескрываемым удовольствием стянул с себя окованные дешевой сталью ботинки, размотал портянки и с облегчением уселся на торчавший из воды камень, опустив в холодную воду усталые ноги. “Ох, Бьондур,” — обратился карлик к своему топору. — “Как же выматывает столь долгая прогулка!” Немного поохав, покряхтев и зачем-то понюхав воду, боргвин хмыкнул, умыл лицо и закурил трубку, которая зачатила так, словно пыталась породить грозные тучи. Однако насладиться одиночеством не вышло. “Вот он! Дым столбом стоит!” - послышалось за спиной. — “Льрл... Рлл.. Как там тебя?! А ну, иди сюда! Десятник рвет и мечет!” “Рьйолло... Меня зовут Рьйолло” — пробухтел карлик и недовольно начал собираться. На берегу его нетерпеливо ждали два молодых человека: “Идем!”

Двадцать третья десятка, к которой был приписан карлик, состояла из двенадцати молодых людей и его — старого боргвина. В иерархии Ингиэльмских вооруженных сил такой род войск назывался сбродом, ибо набирались подобные отделения из добровольцев непосредственно перед походом или даже во время прохода армий через населенные пункты. Главными претендентами на места в таких отделениях были молодые люди из крестьян и подмастерий, не желавших

---

1. Изначальная Тьма - состояние бытия до Сотворения.

2. В Ингиэльме и тех государствах, что находятся под его культурным влиянием, “орт” - уважительное обращение, вроде нашего “господин”.

3. День Всепрощения — конец света в демиургической религии, когда Творец простит эловинов (высшую расу) за их грехопадение, а с ними и людей, и примет всех в Чертоги Света.

становиться продолжателями дела предков. Главным требованием, которому должны были соответствовать сбродные новобранцы, было наличие собственного вооружения, здоровья и транспорта. Командовали же такими бойцами армейские десятники. Нередко проштрафившиеся или разжалованные. А потому они ненавидели бойцов сброда, и, находя их отдушиной для своей досады, муштровали по любому поводу.

“Бараны!” — кричал крепкий приземистый молодой человек, лишенный двух зубов — “Остолопы! Скотское племя! Где шляетесь! Где старик?! Как там его...”. “Рьйолло, орт десятник, меня зовут Рьйолло,” — послышался ответ, — “Рьйолло Нахрап”. Молодой человек повернулся и увидел боргвина, вытянувшегося во фронт в конце строя. “Не надо было тебя брать, старик! Видит создатель: не надо было! Почему отстаешь от колонны?!” “Орт десятник, это все упрямство моего мула. Мы еще не сошлись характерами... Половину пути я вел его под уздцы. Эта скотина родилась, должно быть, для того чтобы стать колбасой, но по какой-то ошибке стала ездовым мулом. Со всей ответственностью заявляю, что такого больше не повторится, орт десятник!” Беззубый было замахнулся на старика, но удара не последовало. Похоже, десятник уважал старость. “Вообще, он неплохой парень, — думал про него Рьйолло, — видимо, напился в таверне, накуролесил и вот, вынужден теперь возиться с нами”. Осмотрев снаряжение, кобыл и боргвинского мула, десятник еще раз свирепо взглянул на карлика и, изрыгая проклятия, ушел прочь.

Каждый вечер и каждый привал для двадцать третьей десятки проходил почти одинаково. Подразделение было переполнено и, включая командующего десятника, насчитывало тринадцать человек, тогда как пищей оно обеспечивалось на десятерых. Как правило, это был котелок вареного гороха и 10 кусков хлеба. Кусок хлеба и миску гороха забирал десятник, остальное же предполагалось разделить самостоятельно. И тут начинались неизбежные прения: те из бойцов сброда, кто пришел в подразделение первыми, считали себя в полном праве получить полную порцию. Рьйолло же поступил сюда последним, буквально навязав свою кандидатуру упрямым следованием за маршем. Но совсем голодным старик не оставался. Крестьянские парни, может, и простоваты в своих стремлениях, но дух общины был важной составляющей их сущности, а потому с Рьйолло и остальными “лишними” всегда делились и хлебом, и гороховым месивом.

— Чуть не досталось нам сегодня, да, боргвин? — завел разговор тощий носатый молодой человек с не по-крестьянски аристократическим именем Берон. Он явно намекал старику, что виной десятицкого гнева был именно Рьйолло, и что он, Берон, совсем не злится на него, хотя имеет на то все основания. — Зачем ты вообще отправился в этот поход? Ты стар и коротконог, Рёлла, а впереди, небось, и драться придется. Говорят, завтра войдем в плешь. Говорят, эта плешь страшная — такие там твари обитают. Я тебе честно скажу, старик, боязно мне. А я на своем коротком веку повидал кое-чего, уж поверь.

Они, двенадцать человек двадцать третьей десятки, сидели у костра и доедали ужин, тщательно вымазывая хлебом горох со своих плошек. Ночь была объявлена, но никто не торопился распознаться по местам для сна, которыми служили дырявая палатка на десятерых и место под телегой для тех, кто в палатку не помещался; а потому двадцать третья десятка развлекала себя разговором, как это

делал и весь лагерь, исключая, пожалуй, только часовых. Основной темой разговоров были отшумевшие относительно недавно так называемые Стекольные войны. Слухи об этом событии приходили самые разнообразные из разных концов Мировой Чаши. Каждый второй в любой таверне уверял, что он сам сражался в одной из этих войн и в доказательство показывал какой-нибудь неубедительный шрам, а за кружку пива готов был рассказать о тех событиях в самых детальнейших подробностях. Так или иначе разговоры о Стекольных войнах велись не прекращаясь, и каждый хотел показать себя экспертом в политэкономии и военном деле, рассуждая об истинных причинах этих громких событий, о мотивациях участников и, в конечном итоге, о победителях, причем, называя себя очевидцами событий и ссылаясь на высокопоставленных авторитетов, все высказывали зеркально-противоположные мнения о предмете, а споры об этих войнах нередко заканчивались крепкими драками.

— Зови меня по прозвищу: Нахрап, — поморщился боргвин, имя которого коверкалось неповоротливыми языками сослуживцев на самый разнообразный лад. — Зачем я отправился в этот поход? Я иду в родные места, сынок. Там я вырос и оставил большую часть своей жизни...

— Ты про ту боргвинскую крепость, название которой в здравом уме не произнести? Но плешь, Нахрап! Там же плешь! Обширная и злая плешь, захватившая сотни верст!

Плешь... Да, не все земли в Мировой Чаше пригодны для беззаботного житья, обработки земли, строительства городов... Есть места, в которых правят совсем иные законы, живут совсем иные существа и растут совсем иные деревья и травы. И если нанести на карту территории плешей и окрасить их черным цветом, то окажется, что мест, пригодных для житья, едва ли не меньше, чем черных пятен, разбросанных то тут, то там, будто некий бесноватый художник растратил целую бочку черной краски, размахивая кистью и разбрызгивая чернила по материкам, морям и океанам, не жалея ни гор, ни рек, ни городов. И будто этого мало, плещи не стоят на месте. Они движутся, встречаются и смешиваются друг с другом, растут, поглощая города и селения, а пройдя, оставляют после себя лишь руины, девственные леса, степи и нагорья. Движение это медленное, незаметное, но неизбежное и неотвратимое, как само время. И никто не знает, как и где зародится новая плешь, куда она двинется и как вообще происходит это зарождение и движение. Люди, которым не чужда магия, говорят, что именно она, магия, есть причина существования плешей, только эта магия дикая, случайная, неконтролируемая.

— Плешь? Я уже устал ее бояться. Мне девятый десяток лет, сынок, и я иду туда не геройствовать, не за добычей или деньгами, а умирать. Харлфундур — вот как зовется моя крепость. Десятки лет назад именно она оказалась захваченной беснующейся плешью. Я лишь хочу вновь увидеть места, где прошла моя молодость, где пали мои друзья, а потому лелею надежду на то, что крепость все еще живет, и я стану свидетелем того, что она будет жить еще века.

— Э-э, старик. Кому нужна твоя крепость? Там, небось, одни руины уже. Мы идем туда за сокровищами! — медленно, слово за словом протянул молодой человек с одним оттопыренным ухом. — Небось, там, в этом вашем хафл... в этой вашей крепости лежат и ждут своих новых хозяев копи боргвинского золота! Вы же,

боргвины, не умеете распоряжаться богатством и лишь поживаете на нем, словно выжившие из ума скупердяи. А деньгам нужен оборот! Вот что я тебе скажу! Уж ты поверь.

— Нет в Харлфундуре золота... Мы делали порох! Отличный харлфундурский порох, что взрывался, словно гнев создателя, почти не дымил и хранился столетиями. Нашим порохом выигрывались войны, сынок! А золота у нас не было. Зачем нам оно?

— Ха! Зачем золото?! Ты не знаешь, зачем золото? Ха-ха-ха! — засмеялся Берон, нарочито громко и показательно, чтобы старый Рьйолло понял, насколько он глуп. — Ах, боргвины, странный вы народ! Самые умные из вас уже давно живут среди людей, сбрили свои бороды, работают себе в ремесленных цехах и, знаешь ли, неплохо поживают! Все, что есть великого в мире, — все это у людей! Магия! Военная мощь! Но только упрямые боргвины зачем-то чтут заветы своих далеких, непонятных предков, селятся там, куда Творец не смотрит, и делают свои непонятные делишки... Неудивительно, что плешь поглотила этот ваш Хафл... как его там...

— Харлфундур. Тебе того не понять, сынок, — Рьйолло, казалось, не замечал упрямой язвительности молодого человека. Отчасти потому, что Берон делился с ним пищей из раза в раз, а отчасти потому, что старый боргвин понимал эту юношескую крестьянскую прямоту и привычку делить весь окружающий мир лишь на черное и белое. — Это тебе кажется, что все лучшее — то, что имеешь, а мир кончается там, где ты перестаешь его видеть. А ведь мир — он огромен. Мировая Чаша кажется бескрайней, а я тебе скажу, что и за ее краями, говорят, есть земли. Далекие и богатые. Когда ты вырастешь, ты поймешь, как мало ты знаешь... а может и нет.

Берон и остальные некоторое время смотрели на пламя костра, обдумывая что-то, что пробудилось в уме каждого из них после слов старого Рьйолло.

— Что ж... Расскажи нам, Нахрап, про свою крепость, — процедил молчаливый парень с прямыми черными волосами, которые закрывали лоб, — расскажи про эти страшные места, в которые мы завтра войдем. Охота знать, к чему стоит быть готовым.

Старику явно польстило воздействие его слов на умы сослуживцев и то, что он вдруг стал центром их внимания. Знанием о местах, в которые держала путь небольшая армия в две сотни бойцов, не мог похвастаться, пожалуй, никто, если не считать слухов, что бродили в головах участников похода, и постепенно ком этих домыслов разрастался все больше и больше, питаясь страхом перед неизвестностью и способностью человека выдумывать все новые и новые подробности, каждая следующая из которых ужасала сильнее предыдущей. Рьйолло, не торопясь, выбил трубку, снял с пояса железную коробочку, которую он называл "сушилкой", открыл ее и заправил новую порцию одному ему известной курительной смеси. Прикурив от подоженной ветки, старик выпустил в голубое небо облако пахнущего свежей листво́й желтоватого дыма:

— Ну, слушайте... Слушайте мрачную и невеселую историю моей жизни и падения крепости Харлфундур от пришествия на ее земли плещи — заразы, которую мы нарекли "Гаттулак Кхата", что по-вашему звучит как "плещь наступающих костей".

История Ръйолло Нахрапа — старого боргвина, возвращающегося в родные места

Ныне жизнь моя уже почти прожита, и сейчас я еду туда, где я впервые увидел этот свет, что забрезжил для меня восемь с немногим десятилетий назад. Мать моя была ткачихой, а отец — каменщиком. После брата и двух сестер я был четвертым и самым младшим ребенком в семье. Сколько помню свое детство, было оно безоблачным и никакой плещи вокруг не простиралось. Места были дикими: густые леса на склонах соседних гор, река, бурлящая далеко внизу и несущая свои воды в реку-мать Ниир-Саору. Да... Не было никакой плещи. Плещь пришла потом. А был лишь шум реки, крики птиц и вздохи вулкана, в склоне которого и была вырыта предками наша крепость-нора Харлфундур, что в переводе на ваш щебечущий язык будет “Вонючая Гора”. Не стоит смеяться, ибо добыча серы и селитры есть процессы, не услаждающие ноздри запахами лаванды или мяты. Это трудная и неприятная работа, которая, однако же, дает немалое могущество и процветание государству. Своим государством мы считали только Харлфундур, а не ваш людской Ингиэльм, самонадеянно заключивший Вонючую Гору и все окрестные хребты в свои границы.

Я вырос и стал резчиком по камню, что, однако, не освобождало меня от работ по добыче серы. Да, серу и селитру добывали все: таково было бремя жизни в Харлфундуре. Заправлял всем наш рдум Этур Одно-Ухо. Это был старый боргвин, сторонник доктрины предков, которая обязывала каждого жителя участвовать в работах по изготовлению пороха помимо своей основной профессии. Тогда мы тайно продавали порох нескольким торговым гильдиям и нескольким другим боргвинским крепостям. Всем нужен был порох, но не все могли производить его в достаточном количестве. Доктрина же предков предписывала производить пороха столько, чтобы в самой крепости его находилось больше, чем у каждого из покупателей. Многим такой род занятий был не по душе: проводить половину дня в смрадной селитрянице или в вонючем серном карьере. Но и жаловаться было не на что: в самой крепости не воняло, было место для мытья, да и богател Харлфундур день ото дня.

Главным потребителем нашего пороха были торговые гильдии. А вот землевладельцы и знать Ингиэльма относились к этой статье наших доходов резко отрицательно. Сколько ультиматумов было нам выставлено, сколько торговых связей было пресечено! Нас даже осаждали несколько раз! То были армии свободные и над ними не развивался флаг какого-либо государства Мировой Чаши, но мы понимали, что к чему и кто натравливал на нас этих голодных, охочих до золота головорезов. Я лично дважды участвовал в прорыве окружения, сражаясь в рядах Харлфундурского ополчения. Как бежали они от нас, как катились по склонам Вонючей горы! Ах да, что-то я отвлекся...

В общем, детство, отрочество и юность мои прошли безоблачно, и даже те вооруженные столкновения, которые я описал только что, были, скорее, поводом погеройствовать и проявить характер, нежели серьезным испытанием.

Беды начались позже. Одна из торговых гильдий, название которой я уже и не упомяну — с красным петухом на эмблеме — стала присылать к нам караваны с

благовониями. И этот род товара возымел среди харлфундурцев весьма значительную популярность. Жители крепости готовы были продать последнее исподнее за понюшку благоуханных масел, которые потекли в Харлфундур от купцов. Представителем гильдии был, как ни странно, боргвин. Из тех, что покидают крепости, селятся в людских городах и бреют бороды. Даже имя у него было из людских: Винир. Не прошло и года, как этот гильдейский боргвин стал божеством для изголодавшихся по приятным запахам моих сограждан. Да что и говорить: я и сам с нетерпением ждал караванов телег с красным петухом на бортах. Спустя некоторое время я узнал, что Винир стал почетным гражданином Харлфундура, а с ним в крепость пришли люди Ингиэльма и прочие гильдейские прихвостни. Силами харлфундурцев в крепости был выдолблен внушительный зал, в котором постепенно образовалась фабрика по производству благовоний.

Потом Этур Одно-Ухо умер. Я тогда уже был женат и тетешкал двух сыновей-близнецов. Кльяра... Моя мудрая и многострадальная жена... Я до сих пор помню твои глаза цвета начищенной меди! Так о чем я... Ах да: помер Этур Одно-Ухо, да войдет он в Чертоги Света. К тому времени население Харлфундура разделилось на две неравные части: на тех немногих, кто работал на красного петуха, и на тех, кто по-прежнему ковырялся в серных карьерах, угольных печах и селитряницах. Вторых было большинство, и они обменивали порох на благовония, как это было ни удивительно. Это потом я узнал, что гильдия с красным петухом на эмблеме прослыла одним из самых могущественных торгашей... чем бы ты думал, сынок? Порохом! Нашим порохом! Конечно же, коль скоро мы продавали порох красному петуху за духи, и сами же эти духи для него производили, крепость беднела. Приходила в упадок. О! Харлфундур превратился в настоящий зверинец! Сюда красный петух свозил разных вонючих зверей, ароматную древесину. Наши жилища превратились в склады, а залы — в общежития. Леса на склонах были выжжены и на их месте появились террасы с розами и другими благоуханными растениями. Воздух же в помещениях, где мы обитали, стал смесью вони мускусных животных, серы, отхожих мест и селитряниц. Бани закрылись: теперь там были лаборатории алхимиков! Но забери меня тьма, популярность Винира-боргвина только росла. Это был умный парень, скажу я тебе. Да, он и его люди ходили в золоте, а мы — в тряпье, но время от времени среди нас, работяг, гнущих на него спины, вдруг находился успешный боргвин, который неожиданно богател и чьи дела начинали идти в гору. И вот еще вчерашний золотарь становился вдруг большим человеком и надевал камзол с красным петухом. Остальные, видя такой успех, вмиг воодушевлялись и приходили в уверенность, что пройдет день-другой и благая Винирова звезда озарит и их путь. Кроме того, Винир привозил с караванами артистов, и те показывали уморительные комедии о днях минувших, в которых Этур Одно-Ухо выглядел дурак дураком или жестоким тираном. И нам нравилось! Боргвины любят хорошенько повеселиться!

Но Винир торопился. Да, прошло много лет и уже выросло поколение безумных юнцов, мечтающих однажды ходить в золоте, но были среди нас и те, кто помнил давние времена и все больше и больше находил их справедливыми. Был таким и я.

Вместо Румбла всем стал заправлять некий Совет Мастеров, куда входили управляющие производствами. Мы взывали к этому совету, требовали возобновить торговлю с другими крепостями и гильдиями, выдвигали своих представи-

телей, но все наши мольбы застывали в форме бумаг. В ответ Совет издавал лишь новые запретительные законы. Постепенно в крепость стала заселяться гильдейская солдатня, якобы для охраны караванов... Солдатня, так похожая на ту, что оцепляла некогда Харлфундур своими жалкими осадами. Теперь же мы кормили этих ребят, а они нас крепко бивали за нарушение новых непонятных законов.

Не удивительно, что рано или поздно настал момент, когда мы восстали и выгнали красного петуха из своего дома! Для тебя это, небось, звучит просто: “Выгнали”... Нет. То была бойня, длившаяся месяц! А после еще несколько лет мы налаживали все, что заполучили обратно, собачились друг с другом, выясняли отношения и воевали с красным петухом, который стал для нас внешним врагом. А началось все с того, что мы явились на Совет Мастеров и пересажали в клетки всех, кто там заседал, включая Винира-боргвина. Потом была ужасающая кровавая бойня с вооруженными силами красного петуха. Да-да! С той самой солдатней. Нам помогла наша привычка к темноте, и если бы не она, мы бы не сдюжили. Да... тогда я потерял много друзей. Удивительно, но многие из коренных харлфундурцев встали на защиту проклятых парфюмеров! Представь себе!

Но все кончилось. Крепость снова была нашей. Всех, кто был заключен в клетках, мы казнили, сбросив в жерло Вонючей горы, остальные были изгнаны. Как оказалось, это было лишь началом наших мытарств. Думаете, все сразу встало на свои места? Как бы не так! Молодежь не знала прежних времен... Юные харлфундурцы были уверены, что пришла их очередь заседать в Совете Мастеров и ходить в золоте. Они не хотели делать порох. Да и многие из представителей старой крепости возжелали торговать благовониями, не марая рук в селитряницах. И снова была грызня и кровь. Боргвины новой крепости стали покидать Харлфундур в надежде найти достойную, по их мнению, жизнь в людских государствах. Наша же жизнь никак не улучшалась, ибо возобновить торговлю не удалось. Несколько раз под ворота приходили войска красного петуха и пытались вернуть себе Харлфундур силой. Крепость покинули Клярра — моя жена и мои дети, которых к тому времени было четверо сыновей. А я не смог. Помню: мы расстались молча. И знаешь, я даже хотел, чтобы для них началась новая жизнь. Харлфундур уже никогда не станет таким, как прежде — это я понимал не хуже тех остальных из старой крепости, кто решил остаться.

А потом пришла плешь... Помню, был бой с красным петухом, много огня и взрывов, и уже спустя пару дней наши сапоги топтали их знамена, а склоны Вонючей горы были усеяны телами павших бритоголовых наемников. Белый флаг мы ждали на следующий день, но в этот раз он появился сразу... Будто подводы для сбора трупов только и ждали, пока закончится бой. Люди в монашеских одеждах собрали тела погибших. Ты удивишься, но тогда мы недосчитались и многих наших из тех, кто полег там. Спустя пару месяцев на Харлфундур обрушилась новая сила. Сила не людская и не звериная. Это были особенные существа. Плоть их была составлена из металла, древесины и механических деталей, а скреплялось все это между собой людской и боргвинской плотью: мышцами и кожей... Видели эти существа глазами людей, кричали боргвинскими голосами. Некоторые были выше деревьев, другие размером с пса или человека. Иные же не превышали величины кошки или даже крысы! Передвигались они быстро и шумно на множестве ног. Одни изгибали длинные шеи или хвосты, составленные из позвончиков,

другие имели жвала из ребер или из железа. Были там существа, сшитые из лесных зверей и птиц. Одним словом, твари те были настолько же омерзительны, насколько и опасны.

Ужас объял Харлфундур. Многие крепкие духом бойцы сошли с ума. Крепость перешла на скудное существование, поддерживая самое себя. Постепенно эти твари заселили леса вокруг Вонючей горы, уничтожив и прогнав всех животных и даже птиц! Леса обезмолвели, река помутнела и запахла тленом, перенося в своем течении множество мертвой рыбы.

Годы мы жили взаперти, забыв про солнечный свет. Грунтовые воды не давали нам помереть от жажды, а пещерная растительность худо-бедно обеспечивала пропитанием. Прорываясь внутрь горы, мы открыли глубокие пещеры и долгое время жили, благодаря дарам подземного царства. Однако же царство это было не без угроз, и из пещер в крепость лезли во множестве существа враждебные и вселяющие страх. Крепость истощалась: от голода и болезней жителей становилось все меньше и меньше, а новых не появлялось. Терялся и сам смысл выживать в этих условиях: в нас умирала доктрина предков. Статуи первопроходцев, забытые в непроглядной тьме пустующих залов, покрывались крысиным пометом. И снова харлфундурский народ разделился на тех, кто вознамерился уйти, и на тех, кто еще хранил верность доктрине предков и был уверен в том, что крепость будет вновь процветать.

Исход планировалось совершить через пещеры на свой страх и риск, ибо сама мысль о том, чтобы пройти по старым караванным путям, пролегающим по поверхности, казалась нам абсурдной — настолько были мы напуганы пришедшей на нас плешью и ее тварями. Я и несколько других приверженцев доктрины предков вызвались сопровождать исход с оружием в руках. Да... Этот топор, что лежит возле меня, носит имя Бьондур — так звали его прежнего хозяина. Бьондур был моим другом и погиб в схватке с одним из тех чудовищ. Я верю, что в топоре живет немного души моего старого товарища. Так вот, мы с Бьондуром-топором пошли сопровождать тех, кто решил покинуть крепость, ведь то были в основном женщины и те из мужчин, что окончательно потеряли дух.

Путь через пещеры был исполнен страха. Несколько раз мы встречались с существами, названий которых не знали. Некоторые из них были огромны, иные же были мелкими, но нападали в большом количестве. Вело вперед нас природное боргвинское чутье и знание пещер, которое мы накопили за несколько лет общения с этими мрачными местами. Неизвестно, сколько мы бродили там во тьме, однако рано или поздно забрезжил солнечный свет... Около недели мы привыкали к нему. Болела голова, тошнило... В общем, ты не боргвин, тебе не понять. Но однажды настал миг, когда мы позволили себе выползти на поверхность через ту узкую щель, что была выходом из пещеры и границей между тьмою и светом.

И тогда во мне что-то оборвалось. Я видел склоны нагорий и деревья, растущие на них. На востоке вставало солнце, небо было наполнено щебетом птиц... Крепость, чудовища, подземный мрак представлялись мне дурным сном, а путь обратно ко всему тому, что было пережито вдруг стал казаться невозможным. И я решил пойти с теми, кто покидал Харлфундур.

Так я оказался среди людей. Ремесло не давало мне погибнуть от голода и даже позволяло жить безбедно. Тем не менее, я никогда не позволял себе сбрызнуть боро-

ду и всякую минуту лелеял надежду, что плешь сойдет с Харлфундура и я смогу вернуться. И вот я узнал, что орт Бреку ведет туда свою небольшую, но сильную армию. Зачем — этого не знают даже его воины. Жизнь моя уже клонится к закату, и я уже не жду возрождения крепости. Все время меня угнетала вина за то, что я покинул родной Харлфундур, и теперь я спешу туда, чтобы умереть, ребята. Ну какой из меня боец — посмотрите: я ведь и за маршем-то не поспеваю.

Старый боргвин замолчал и принялся выбивать трубку, и с ним молчали все, кто сидел вокруг костра. Молчали и смотрели в огонь.

— Так значит, чудовища... — пробормотал, наконец, Берон, не отрывая взгляда от затухающего костра, — То-то с нами святоши идут из белого, кажется, ордена. Чудовища — это по их части.

— Знать не знаю, кто там из какого ордена, а только я иду домой, в Харлфундур... Сладких снов и спасибо за ужин, Берон. Как-нибудь сочтемся, — ответил Рьйолло, встал с насиженного места и заполз под телегу, откуда спустя минуту послышались раскаты крепкого, годами тренированного храпа.

Плешь

Несмотря на все перешептывания о скором вхождении в плешь, путь до нее занял еще два дня. Предгорья выросли в горы, каменистая пустошь сменилась теснящимися в глубоких долинах лесами. Рьйолло и сам не знал, насколько широка эта извращенная земля, где она начинается и как понять, что армия вошла в нее. Однако же это оказалось весьма просто: в один из дней пути лес превратился в бурелом. Огромные вековые сосны были повалены и лежали, вытянув в небо окоченевшие мертвые корневища. Колонны иссушенных останков дубов безмолвно таращились пустыми дуплами на притихших воинов. То тут, то там между останками деревьев, на кустарнике, на камнях и валежнике, словно паутина, была натянута шуршащая на ветру пленка, похожая одновременно на крыло насекомого и на сброшенную шкуру змеи. Из-под ног в разные стороны разбежались ящерицы и какие-то не уловимые взглядом мелкие странные существа.

Армия встала лагерем, как только были замечены эти перемены. Затрещали деревья, из стволов которых воины строили частокол, зазвенели кирки, выдалбливая канаву для родниковой воды, ибо река, шумевшая внизу, была мутной, дурнопахнущей и у берега пузырилась тошнотворной желтой пеной. Рьйолло помогал изо всех сил. Он чувствовал близость Харлфундура. Да что там: он видел его! Если подняться по склону повыше и посмотреть направо от солнца, можно увидеть чадящую в небо пологую гору. Ту гору, которую называют Вонючей.

Когда лагерь был обустроен, в плешь стали отправляться первые отряды. Они состояли из тяжеловооруженных воинов, облаченных в магическую броню. В руках каждого из них были меч и щит, а вокруг летали по четыре магических дротика, похожих на большие стальные веретена. Рьйолло видел их в действии: воин взмахивает рукой, и дротик летит в цель. Судя по всему, штуки эти весили немало, ибо расщепляли толстые бревна, как семечки.

Задача Рьйоло и прочих сбродных состояла в том, чтобы вырубать лес и разгребать валежник, образуя весьма просторную просеку. Авангард зачищал некоторую территорию и вставал лагерем, потом отряды сброда прорубали дорогу к нему, после чего авангард шел дальше.

Иногда бойцы авангарда возвращались в основной лагерь, чтобы смениться и отдохнуть. Они нередко приносили с собой удивительных существ, как правило, мертвых, но нередко и живых. За живых существ, принесенных в лагерь из плещи, командование наказывало, но это не останавливало желающих похвастаться удивительным трофеем. Твари эти не были похожи на привычных нам животных или насекомых. Тела их были составлены из металла и иссушенных костей, скрепленных между собой наружными мышцами, заключенными в ту самую странную пленку, которая встречалась на лесной растительности. Твари скребли по полу металлическими конечностями, невероятно похожими на лезвия ножей, или царапались заостренными костяными когтями. Они были удивительно разные, эти существа: различных размеров и форм. Некоторые были размером с крысу, иные же, по словам очевидцев, достигали величины и веса средней овцы. Одни были покрыты прозрачной скорлупой, другие, словно изделия в лавке кожевника, были обтянуты кожей или даже лохматыми шкурками лесных животных. Говаривали, что многие такие существа источают ту самую пленку, образуя на деревьях гнезда

и целые ульи. Никто из воинов, что сражались с диковинными обитателями плещи, не видел, чтобы эти существа пожирали побежденных. Они всегда оборачивали тела пленкой и утаскивали в неизвестном направлении.

Первые дни нахождения на землях, захваченных плещью, были исполнены страхом. Неизвестность, нападения местных существ, все это угнетало дух. Однако спустя месяц, несмотря на потери, пребывание здесь все больше и больше походило на выполнение неприятной, но нужной работы. Рьйолло работал с удовольствием, ведь каждое поваленное дерево, каждый выкорчеванный пенёк или сожженная коряга приближали его к дому. Пару раз боргвин сталкивался с жителями этих извращенных земель. Одна из подобных тварей выпрыгнула на него из-под упавшего древесного ствола. Была эта гадина размером с кошку и о шести острых лапах. Вместо головы у нее был череп какого-то зверя. Существо вцепилось боргвину в щеку, но он сорвал его с себя, бросил на землю и разрубил топором. Другая тварь оказалась замаскированной под пенёк и, очевидно, вела прикрепленный образ жизни. Она схватила Рьйолло множеством костистых конечностей, проткнув ногу сквозь кожаные штаны, однако доспех старика оказался для нее существенной трудностью, а потому серьезных травм тварь нанести не смогла. Рьйолло сжег ее, осыпая проклятиями.

Несколько раз и основной лагерь подвергался нападениям хищников плещи. Один раз это было несколько четырехногих мускулистых существ, лишенных головы, но обладающих крепкими острыми, торчащими вперед рогами и пастью с несколькими рядами острых зубов. В другой раз нападение случилось после объявления ночи, и мало кто видел гадину, но, отмечая множество самых разнообразных ее описаний, все сходились на том, что существо извивалось и было о двух головах. Вероятно, успешных атак плещи на своих гостей было куда больше, ибо многие люди бесследно пропадали, и тела их не были найдены. Хотя, как сказать... Спустя месяц на лагерь напало существо с головой того самого Берона, который делился с Рьйолло едой во время марша. После того, как в существах стали узнавать личные вещи и части тел пропавших товарищей, боевой дух воинов резко упал. Командованию пришлось даже вводить наказания. Несколько человек, вносивших разлад в рядах войск, были повешены. На следующее утро их тела пропали, но командование уверяло, что они были захоронены. Сомневающиеся же в этом были демонстративно биты палками. Армия потеряла треть своего состава, когда с востока пришло подкрепление из сотни человек и самого орта Бреку. Еще через месяц от авангарда пришло сообщение, что цель достигнута.

Рьйолло не знал, что это была за цель. В момент, когда было получено сообщение, старик находился в лагере и набирался сил после тяжелой трудовой недели. К тому времени путь по их просеке из конца в конец занимал ровно день от объявления утра и до самого объявления ночи. Орт Бреку оказался высоким сухопарым молодым человеком с надменным взглядом. Большую часть времени он проводил в шатре. Когда пришла весть о достижении цели, орт Бреку и отряд сопровождения отправились к ней по просеке.

В лагере царил облегчение: никто по-прежнему не знал, что за цель была достигнута, но сам факт ее достижения говорил о том, что задача выполнена и в скором времени можно будет отправляться домой. Рьйолло же такое развитие ситуации не сильно радовало. Ему нужно было добраться до Харлфундура и

способов сделать это, кроме дезертирства, он не видел. Останавливал его лишь страх не дойти до крепости, став набором запасных частей для местной фауны.

Сомнения старика разрешила сама судьба. “Это тебя кличут Нахрапом?” — слышалось однажды за спиной, когда Рьйолло возился с костром. Обернувшись, боргвин увидел трех орденских рыцарей в белой броне. Такие очень редко снисходили до разговоров со сбродниками. “Да... Рьйолло. Рьйолло Нахрапом, если быть точным...” — “Собирайся. Пойдешь с нами”.

Их было около тридцати человек. Меньшим количеством по просеке не ходили. Все хорошо экипированы: летучие веретена-дротики у рыцарей, взведенные арбалеты у стрелков. Они беззаботно разговаривали между собой и никто не обращал внимания на сопровождаемого старого боргвина, словно того и не было. Так было до тех пор, пока на просеку не выкатились и не расправили длинные многоколенчатые ноги какие-то паукообразные существа. Один из белых рыцарей крикнул: “Старик, слушай приказ: держаться нас, не отходить!” В чудовищ полетели дротики, защелкали арбалеты. Три были уничтожены снарядами, четвертая тварь добежала до отряда, и ноги ее вонзались в землю в попытках проткнуть бойцов, а тело раскачивалось где-то на уровне древесных крон, будто выцеливая жертву. В один момент оно обрушилось на рыцаря совсем рядом с Рьйолло и прибило его к земле, несмотря на то, что тот прикрылся щитом. Но летучие копья уже вернулись к своим хозяевам и тут же отправились в чудовище, несколько раз глухо ужалив его тело. Тварь запнулась и рухнула, словно подрубленное дерево. “Придется жечь,” — сказал тот, кто командовал отрядом: “Старик и еще пятнадцать — за дровами, остальные — живо на разделку останков”. Делали все быстро и отлаженно. На просеку были нанесены дрова, сложены костры. Мертвые длинноногие гиганты были разрублены и брошены в огонь. Только после того, как последняя часть существа превратилась в угли, отряд затушил пламя и двинулся в путь. Теперь шли быстро, и Рьйолло, хромя и дымя трубкой, еле поспевал за воинами.

Путь был завершен, когда на голубом небе возшла луна. Между деревьев показалась бревенчатая крепостная стена, напряженное молчание спало, и к отряду вернулась та бодрость, которая сопровождала их в начале пути. От ворот Рьйоло повели сразу в большой теплый каземат, в котором располагались покои орта Бреку и его приближенных.

— Так ты тот самый боргвин, что жил в этих местах? — задал вопрос орт сразу, как только Рьйолло оказался на пороге небольшой, хорошо освещенной комнаты. Рядом с Бреку стоял пожилой человек в длинном одеянии и внимательно изучал вошедшего боргвина.

— Точно так, достопочтенный орт Бреку, — запинаясь, произнес Рьйолло, припав для верности на одно колено.

— Что ж, не будем откладывать дело в долгий ящик. Расскажи нам, добрый боргвин, как идут дела в твоей крепости, сколько там человек, сколько провизии, нужна ли Вонючей горе какая-либо помощь?

— Этого я не знаю, достопочтенный орт. Я покинул эти места два с небольшим десятилетия назад. Когда я уходил, нас не насчитывалось и трех десятков. Большого я при всем уважении рассказать не могу. Всею душой хочу я вернуться в свой дом, но с каким намерением выпытываете вы у меня эти сведения, я не знаю,

а от того боюсь навредить Харлфундуру. Уж очень много бед претерпела эта многострадальная крепость.

— Старик, ты смеешь торговаться? — возмутился человек в длинном.

— Спокойно... — осадил его орт Бреку. — Боргвины - народ упрямый. Я бы не хотел, чтобы... Как тебя зовут?

— Рьйолло, орт. Рьйолло Нахрап.

— Так вот, я бы не хотел, чтобы Рь... чтобы Нахрап видел нас своими врагами. Мы не враги. Однако же я вижу, что разговор нам предстоит достаточно долгий. Проводите нашего друга Нахрапа в каземат, как следует накормите и выделите отдельное спальное место. Завтра утром я расскажу тебе, мой дорогой боргвин, то, чего без меня ты бы никогда не узнал. Вероятно, тогда ты будешь более благо-склонен к нам. А сейчас ступай спать, утро вечера мудренее, как говорят в народе.

На поздний ужин была похлебка из бобов с репой, а спальное место было определено в казарме: хорошая кровать с простыней и одеялом. Рьйолло давно не ел хорошей еды и не лежал на хорошей постели, но заснуть у него не получалось. В голове резвились мысли: сомнения в честности орта Бреку сменялись радостью от близости родного дома. Размышления, так и не приведшие ни к чему, прервала команда “подъем”. После не менее роскошного, чем ужин, завтрака Рьйолло вновь предстал перед ортом Бреку и человеком в длинном одеянии.

— Доброго тебе утра, боргвин, — произнес Бреку. — Я вас не представил вчера. Этот почтенный орт рядом со мной — архивариус белого ордена, доктор философии и богословия Сэнтар Кенвортский.

Человек в длинном едва заметно кивнул на глубокий поклон Рьйолло.

— Именно его стараниями сегодня мы здесь, — продолжал Бреку — Именно он разгадал суть этой плещи и причину, по которой она наступила на земли Харл-эммм... -фундура.

Прочитав в глазах старика искреннюю заинтересованность и ошеломленность сказанным, орт Бреку спросил:

— Слышал ли ты, добрый боргвин, о Стекольных войнах?

— Так точно, достопочтимый орт, все вокруг только о них и говорят.

— Ах да, конечно. И что говорят?

— Эммм... Я не сильно сведущ в вопросах политики, орт... Слышал, что некоторые торгаши возомнили о себе невесть что, поддавшись влиянию Тьмы и демонов, посягнули на целостность Священного Союза Государств Мира Дольнего и потерпели закономерное поражение, достопочтимый орт.

— Что ж. Весьма забавная интерпретация и, больше того, недалекая от истины. Однако же позволю себе несколько расширить твой кругозор в области политики и военного дела и скажу, что войны начинаются задолго до начала боевых действий и оканчиваются сильно после них. А потому, несмотря на то, что армии тех сил, что задумали поменять порядок в Мировой Чаше, были разбиты, необходимо произвести много работы по уничтожению самих причин, по которым произошли эти ужасные и кровавые события.

— Верно, орт. Война — дело препоганое.

— И каково же будет тебе узнать, что именно Вонючая гора сыграла в этих войнах весьма значительную роль?

— Харлфундур? В Стекольных войнах?

— Да-да. Немалое количество воинов Ингирата было убито снарядами, выпущенными благодаря вашему харл-фундурскому пороху, дорогой Нахрап. Но я не виню вас. Вы делали отличный порох, и не удивительно, что нашлись те, кто желал его приобрести. Кроме того, харлфундур, сам того не зная, посодействовал нам в борьбе за целостность Ингирата, восстав против своего порабощителя — гильдии Валленрух.

— Красный петух?

— Верно. Именно красный петух изображен на их эмблеме. Эта гильдия снабжала вооруженные силы Стекольного Сговора порохом и отчасти вооружением. После войн гильдия Валленрух была ослаблена, и нам оставалось лишь предать ее трибуналу и уничтожить. Когда я был юн, гильдия красного петуха уже являлась весьма могущественной организацией, и ее щупальца были во множестве запущены в самые разные места и структуры Союза Государств Мира Дольнего. Одно из щупалец было внедрено в Харлфундур, а заправлял этим делом мой родной дед. Я же оказался куда более дальновидным и вовремя сменил сторону, когда почуял, куда дует ветер. Мне остается только поаплодировать стойкости и упрямости жителей Вонючей горы, которые иссушили и уморили это щупальце вместе с моим дедом. Он был честолобив и жаден, а эти качества не всегда доводят до добра. Начав карьеру скромным торговцем благовониями, мой дед к концу жизни стал главным поставщиком пороха на арену боевых действий Стекольных войн.

— Как он выглядел, твой дед? Может быть, я помню его? Мне казалось, что всем заправлял боргвин по имени Винир...

— Дело в том, что дед мой, да войдет он Чертоги Света, умел войти в доверие. А для того, чтобы войти в доверие к боргвину, крайне желательно самому быть боргвином. Поэтому деду пришлось нанять подходящую кандидатуру, которая бы обладала должной притягательностью и хваткостью в дипломатии. Да... Так о чем это я? Люди... Фигурами на доске власти являются подходящие люди. В распоряжении моего деда таких людей было несколько, и кроме Винира-боргвина важной фигурой на доске была фигура Ксаара Алхимика. О! Это был гений, скажу я тебе. Он создавал благовония, варил мыло, но разум его требовал знаний куда больших. И он получал их, ибо сам состоял в Белом Ордене, как бы странно это ни звучало. Торговая гильдия - это перспектива. Перспектива приложения знаний, а потому многие сотрудничают с торгашами просто потому, что их знания оказываются нужны гильдейским дельцам, и эти дельцы являются залогом того, что труды тех, кого они нанимают, не будут пылиться на полках университетов, а будут жить. Вот почему Ксаар Алхимик оказался у моего деда. И именно благодаря ему, Ксаару, и его переписке с университетом мы знаем эту историю. Итак, Ксаар Алхимик... Он создавал парфюмерию, но душа его желала большего. И когда в Харлфундуре случилось восстание, мой дед не мог просто так оставить свою пороховую жилу на попечение самой себе. Ты знаешь, боргвин, как он осаждал ее, как пытался вернуть военной силой. После ряда поражений, свою помощь предложил Ксаар. Его мастерство в деле алхимии достигло к тому времени немалых высот. Ксаар Алхимик объездил монастыри Белого Ордена и, благодаря финансовому могуществу гильдии имел доступ ко многим знаниям ордена. Коррупция... Разложение — мы сами вырастили своих врагов, боргвин. Сами. Ксаар постиг ту сторону алхимического искусства, которая способна создавать... не-

которое подобие жизни.

— Не может быть!

— Может, Нахрап, может. Ты, я вижу, уже понял, кто создал эту плешь...

— Гаттулак Кхата... — шепотом произнес Ръйолло.

— М? Называйте ее, как хотите, а только плешь эта рукотворна. Вот так, мой добрый боргвин. Эта небольшая крепость, в которой мы сейчас находимся, была построена моим дедом. Ксаар трудился над созданием этой самой плечи прямо здесь, возможно, прямо в этих стенах. И делал он это не для помощи моему деду, а для того, чтобы его алхимическое искусство обрело плоть. Знания о создании подобия жизни запрещены, и ты теперь видишь почему. Но познав, невозможно не творить. Ксаар создал не чудовищ, а сам способ их существования. Они могут перемещаться, охотиться, создавать себе подобных без участия своего создателя. Вся их суть в том, чтобы отыскивать живых существ и, разрывая их на части, сшивать вновь в виде подобия жизни. Так они поддерживают свой вид. Мой дед попытался бежать отсюда, как только понял, что создал этот безумный алхимик. Но... Вероятно, не смог этого сделать и теперь тело его является частью этого уродливого мирка. Собственно, как и тело Ксаара Алхимика, вероятно... Теперь ты знаешь, боргвин, как дело обстояло на самом деле. Каково тебе сейчас?

— Я не могу найти слов, достопочтенный орт, чтобы выразить свое недоумение, — медленно и растерянно промолвил Ръйолло. — Но все же, вы — орт — оказали удивительное доверие мне, простолюдину, рассказав такую тайну. И, думается мне, сделали это неспроста.

— Неспроста, боргвин... Неспроста. Видишь ли, несмотря на то, что Стекольный Сговор был уничтожен, Священный Союз Государств Мира Дольнего не может существовать без торговли, а это значит, что гильдии по-прежнему будут иметь власть и свои интересы на просторах Мировой Чаши и вне ее. Скажу честно: для государств было сюрпризом само существование Харлфундура и сотрудничество этой крепости с гильдиями-заговорщиками. Поэтому Ингирату необходимо, чтобы Харлфундур был под контролем Священного Союза вообще и Ингиэльма, в границы которого крепость заключена, в частности. Возможно, старый боргвин, ты сочтешь это ультиматумом. Что ж, возможно так оно и есть. Но услуга за услугу, боргвин. Ты был посвящен в тайну событий, постигших твой дом, мы же хотим, чтобы ты передал наши требования Харлфундур и убедил сдать крепость на наших условиях. Харлфундурцы будут расселены в городах Ингиэльма и других подвластных нам боргвинских крепостях. Им будут предоставлены места в лучших цехах и ремесленных объединениях государства. Никакой плечи, Нахрап, никаких больше чудовищ и сражений. Или же они смогут остаться в Харлфундуре и трудиться с нами над расчисткой этих мест от ксааровых созданий. Единственное требование, которое необходимо будет выполнить: ваш рдум должен будет подчиняться нашему прокуратору. Отказавшись же, ты будешь заключен под стражу и, пожалуй, никогда больше не увидишь дома. А я знаю: ты направлялся именно туда. Что будет дальше? Поверь мне: мы возьмем крепость, и тогда она будет уничтожена. Превратится в безжизненную нору в теле Вонючей горы. Выбирай. Что касается меня, то, как видишь, я привык все решать по-хорошему. Того же я жду и от тебя, мой дорогой боргвин.

Ръйолло опустил плечи и понурил голову. Он помнил, в каком состоянии был

Харлфундур, когда он покидал крепость: горстка истощенных и напуганных упрямцев. Жив ли там вообще хоть кто-нибудь сейчас? Нужно соглашаться: это единственный способ увидеть родную нору. Рьйолло передаст послание и там будь что будет: казнят ли его земляки за предательство или крепость падет на колени перед людским государством и будет жить дальше.

— Будь по-вашему, орт командующий. Я передам послание.

Харлфундур

Путь от бывшей крепости красного петуха до Харлфундура занимал чуть больше половины дня. Рьйолло, орт Бреку и отряд сопровождения из пятидесяти рыцарей и стрелков пробирались через лес по старой заросшей молодым лесом просеке, отбиваясь от нападений обитателей плещи, пока, наконец, склон Вонючей горы не закрыл собой небосвод. Поднявшись повыше, лес редел, расступался и, в конце концов, исчезал, оставляя склоны Вонючей горы голыми и каменистыми. Прохладный воздух на этой высоте словно загустевал и приобретал серный запах. Дойдя до отесанного продолговатого камня, от которого наверх начинала вести выдолбленная в склоне дорога, оборачивающая конус горы по спирали, Рьйолло сказал: “Все. Дальше я сам. Иначе наш визит будет расценен как нападение”.

Подъем вверх до самых Харлфундурских врат был утомителен для пожилого боргвина. Старик выдохся, но упрямо хромал, не останавливаясь ни на минуту. С каждым шагом дом был все ближе. В смрадной осенней тишине боргвин был единственным, кто возмущал окружающее безмолвие звуками шаркающих шагов и постукиваниями деревянным топорищем по облизанному ветром камню.

Эти ворота когда-то были прекрасны, но сейчас дерево посерело под солнцем и дождями, превратившими некогда филигранную резьбу в бесцветное месиво из трещин и древесных жил. Металлическая инкрустация по большей части была сорвана во время атак чудовищ и людских таранов, следы которых до сих пор не исчезли с поверхности досок. Петли заржавели. Рьйолло сел, прислонившись спиной к серой шершавой громадине врат, и закурил. Ветер шептал ему что-то, поглаживая камни и высохшую траву. Рьйолло смотрел на пустые склоны и вслушивался в тишину, замершую за тяжелыми воротами. Когда-то здесь кипела жизнь, наполненная делами и заботами. Ворота были всегда открыты и закрывались лишь после объявления ночи, в дневное же время всюду бегали дети; дорога, по которой прошел Рьйолло, не пустовала, и по ней в обе стороны двигались бородатые фигуры боргвинов, и каждый был занят каким-то делом. Крепость — это не нора в горе, не тяжелые ворота и не глубокие шахты. Это боргвины. Крепкое сообщество, связанное тесной дружбой, любовью и сотрудничеством. Работой, не прекращающейся изо дня в день. Работой каждого на благо всех жителей крепости в равной мере. Как давно все это ушло в небытие! Как давно Харлфундур умер! Еще до всякой плещи, до чудовищ... Последние — это лишь падальщики. Они пришли сюда, когда Харлфундур уже совершил свой последний выдох.

Рьйолло встал. “Что ж, Бьондур, давай, как в старые добрые, крутанем эти ржавые шестерни!” Он некоторое время ощупывал шершавую стену, бубня под нос какую-то мелодию. Потом взял топор и с размаху ударил основанием топорика в одну из плит облицовки. От удара та сместилась, и боргвин пыхтя и ругая свою старость, снял ее со стены. За плитой оказалась узкая вертикальная щель. Не мешкая, Рьйолло загнал топор прямо в нее. В стене что-то щелкнуло, и старик, поплевав на ладони, схватился за топорик, которое теперь торчало из стены, как рычаг. Старый, проверенный временем тайный замок. Харлфундур обзавелся таким во время гражданской войны, когда выгнал красного петуха, а с ним и добрую треть примкнувшего к поработителю населения. С тех пор харлфундурцам необ-

ходимо было отличать своих от предателей. Врата закрылись навсегда и открывались только харлфундурским именованным оружием. Потерять или отдать свое оружие противнику стало считаться изгнанием из крепости. Рьйолло помнил, как лишился однажды своего меча. Это случилось уже во времена, когда плешь пришла, и поначалу Харлфундур пытался бороться с Гаттулак Кхата и ее чудовищами. В одном из сражений Рьйолло вогнал свой меч в брюхо гадине, которая схватила и почти перекусила пополам его старого товарища — Бьондура Косматого. Существо, заверещав, бросилось в лес, роняя внутренности. Бьондур умер на руках Рьйолло, но перед этим умолял того принять в дар свой топор. Боргвины верят, что предмет, с которым каждый из них не расставался всю жизнь, будет служить потом неким окошком в “тот” мир, через которое умерший будет слышать, а может даже и видеть живых. Церковь борется с такими предрассудками, но традиции предков из боргвина не выгнать. Можно вывести боргвина из крепости, но крепость из боргвина — никогда. Потом Рьйолло, конечно, нашел свой меч, но больше не пользовался им, и с тех пор ходил только с топором своего друга, общаясь с павшим товарищем через этот предмет.

Рьйолло вдохнул полную грудь воздуха и запел бойкую песню на боргвинском языке. На каждую “А” он с усилием опускал топориче, а на каждое залихватское “у” тянул вверх. Когда песня закончилась, ворота вздрогнули, чихнув пылью, словно сбросили напряжение, томившее их долгие годы. Рьйолло вынул топор, приладил плиту на место и открыл створку, огласив округу истошным визгом ржавых петель. Войдя, он вдохнул полной грудью влажный пещерный воздух. Глаза привыкали к темноте. Боргвины, как никто другой, умеют приспособливаться к слабому освещению. На это требуется более продолжительное время, но результат во много раз превосходит человеческие возможности. Однако при полном отсутствии света даже боргвинский глаз слеп. Но у этого народца есть свой способ разогнать тьму. Нет, это не чадающие и вечно гаснущие факела, какими пользуются люди и все остальные, далекие от пещерного образа жизни, разумные существа. Нет. Боргвин всю жизнь не расстается с двумя предметами: инструментом своего труда и с пещерной фэйкой. Пещерная фэйка - это крылатое существо размером с ладонь, способное светиться в подземной темноте. Внешне фэйка напоминает что-то среднее между маленьким прямокрылым человечком и богомолем. Вообще эти создания сосуществуют с некоторыми теплокровными жителями подземных cavern и пещер, освещая тем путь и питаясь малой толикой их добычи. Не удивительно, что боргвин для феек ничем не отличается от прочих теплокровных, поэтому они с радостью сосуществуют и с пещерными карликами. Каждый боргвин при рождении получает свою фэйку и не расстается с нею до конца жизни, благо те живут сотню и более лет — намного дольше среднего представителя человеческой расы, к коим причислены и боргвины. Вынесенная из пещеры под открытое небо, фэйка окукливается и остается в таком виде, пока для нее вновь не совпадут два условия: пещерная темнота и тепло живого тела.

Рьйолло называл свою фэйку Фуй-фуй. Он достал из-за пазухи сверток, в котором хранил до поры свою питомицу, и на ладонь ему легла похожая на большое семечко блестящая куколка. Рьйолло согрел ее дыханием, и куколка треснула. Показались мятые крылья, длинные стройные зеленоватые лапки. Пока воспрянувшая Фуй-фуй расправляла крылышки, старик покрошил на ладонь хлеба. На-

бив животик, фейка стала источать слабое зеленоватое свечение, при котором лишь боргвины и прочие существа, что обитают в пещерах, могут спокойно созерцать красоты подземного мира.

Рьйолло увидел длинный коридор, уходящий вглубь вулкана. Вдоль себя коридор был разделен колоннадой. Да, некогда здесь во множестве прогуливались жители Харлфундура, гремели телеги, а сотни голосов эхом отскакивали от стен, многократно преумножаясь. Теперь же здесь поселилась лишь тишина и летучие мыши. Старик брел вдоль стен, осматривая древние барельефы, изображающие тружеников Харлфундура, руками которых эта крепость была основана и развивалась в бурном течении столетий. Его шаркающие шаги эхом разбегались и исчезали во тьме. Рьйолло углублялся в тело горы все дальше и дальше, минуя по памяти ловушки и западни, расставленные под облицовкой стен и покрытием пола. От главной магистрали отходили коридоры поменьше: к пещерным полям, в жилые комнаты, в мастерские, на склады... Отовсюду смотрела на него лишь жирная черная тьма, да доносилась скучная тишь.

“Кто ты?” — слышался сиплый голос за спиной. Рьйолло обернулся и увидел несколько тощих сторбленных фигур, жмурающихся от фейкиного света и наставивших на старого боргвина копья. “Рьйолло. Рьйолло Нахрап,” — ответил старик. — “Было время, я жил под этими сводами”. Копья опустились. Это были боргвины. Изможденные, ослабшие, потерявшие цивилизованный вид. Бороды их сваялись в колтуны, мышцы иссохли, радужки глаз побелели от постоянного пребывания в темноте, а одежда превратилась в лохмотья. “Но...” — сказал один из них. — “Ты один! Где остальные?”. Рьйолло понимал: они ждали и готовились к двум возможным событиям, одним из которых было очередное нападение на Харлфундур, а другим — экспедиция с целью заселения крепости. Рьйолло открыл ворота ключом... Кто же он, если не поселенец? Но почему он один?

— Я здесь не для того, чтобы возродить Харлфундур. Нет, друзья... — Рьйолло помолчал, собирая силы для того, чтобы избавиться от груза, с которым он пришел сюда. — Я принес дурные вести.

Рьйолло обвел их взглядом: шестнадцать истощенных мужчин, сжимающих копья. Весь их вид говорил, что осталось им недолго, но сколько бы ни осталось, они покинут Харлфундур только “на щитах” или лягут здесь костями. Если Рьйолло предложит им сдать, они, не моргнув, бросятся на него. Нужно быть умнее. Рьйолло давно понял, какие события ждут его и крепость. Понял и был готов.

— Выкладывай, Рьйолло Нахрап. Выкладывай свои дурные вести. — Произнес самый высокий карлик.

— Пришло время раскрыть ворота.

Все верно: не “открыть”, а именно “раскрыть”. В боргвинских языках эти слова имеют важное различие, если речь идет о крепостных воротах. Так говорили, когда покидали крепость. Уходя, врата оставляли открытыми для того, чтобы однажды новая боргвинская экспедиция пришла и заселила крепость. “Раскрыть ворота” означало покинуть крепость. Совершить исход.

Ответом Рьйолло были крики “Как бы не так!”, “Убирайся!” и постукивания копиями по полу. Старик поднял руку и подождал, пока крики стихнут.

— Я вижу перед собой настоящих боргвинов. Несколько десятков лет назад вы были детьми, а я был таким же, как вы сейчас. Однажды случилось так, что я сма-

лодушничал и покинул Харлфундур, но сделал это для того, чтобы однажды вернуться. Сейчас, как и тогда, вокруг нас кровожадная плешь. Недавно я узнал, что ее сотворили люди. Сделали они это с одной лишь целью: покорить наш дом. Но Харлфундур выстоял. И сейчас эти люди пришли сюда сами. Как всегда, они надменны, самонадеянны и думают, что на этот раз им удастся взять Харлфундур. Да, если мы закроем ворота, крепость выстоит снова, как это удавалось ей многие и многие разы до сего. Но... — Рьйолло обвел взглядом горстку внимающих боргвинов — Но я не вижу среди вас женщин. Да, вы можете держать оружие, добывать пищу, но вы не бессмертны. А это значит, что рано или поздно вас не станет. Не останется ни одного живого боргвина под этими сводами. Некому будет раскрыть ворота для новых поселенцев. Некому будет рассказать о Харлфундуре, его богатствах и пути сюда, чтобы эти новые поселенцы захотели сюда прийти... Харлфундур падет, если вы останетесь здесь, а люди, что стоят сейчас под Вонючей горой, только этого и ждут. Им не обязательно захватывать Харлфундур. Достаточно знать, что никто не покинет этих стен и не раскроет ворот. Они не хотят владеть крепостью, они хотят, чтобы ее не было. А потому я прошу вас об одном: раскройте ворота и идите в людские города. Ищите там боргвинов, которым не чужда доктрина предков и поведайте им о Харлфундуре. Я знаю путь через пещеры и расскажу вам о нем.

Было бы ошибочно думать, что эта речь убедила жителей. Но Рьйолло видел, что они колеблются, иначе бы старик уже после первого предложения о сдаче крепости был насажен на копья. Понадобилось несколько часов убеждений и споров, прежде чем самый высокий из них не поник головой и произнес, зубовно сдерживая исторгающийся наружу гнев: “Ты прав, забери тебя тьмушая тьма... Ты прав, Рьолло-Дурная-весть. Рьйолло-приведший-людей. Рьолло-похоронивший-свой-дом... Ты прав и будь ты проклят.”

Они пошли на кладбище. Это была большая зала с галереями во множество этажей. В стенах ее были выдолблены ниши, которые содержали запечатанные тела тысяч и тысяч упокоенных харлфундурцев: тех, кто дрался за крепость, тех, кто работал на ее благо, рожал детей, строил стены и рыл новые и новые залы. Последние стражи Харлфундура поднялись на самую верхнюю галерею. Она была выдолблена уже наспех и не замыкалась, как прочие, а заканчивалась тупиком. Стена здесь была кривой и шершавой, колонны походили на огрызки. В последней стене были выдолблены погребальные ниши, больше похожие на норки ласточек береговушек. Из некоторых торчали ноги. Нестерпимо воняло тленом. Последние харлфундурцы положили в ниши свои “смертные вещи” — предметы, с которыми они не расставались всю жизнь и с которыми отождествляли себя. Когда последний предмет остался в погребальной нише, харлфундурцы готовы были идти. Все вещи, которые они могли бы взять с собой, были у них в руках: копья и бурдюки с водой.

Рьйолло долго вспоминал и описывал путь через пещеры. Сам он идти не собирался: не для того он так долго шел сюда; а кроме того, было здесь у старика еще одно незаконченное важное дело. Харлфундурцы слушали внимательно. Кто-то даже чертил план на коже бурдюка. В те времена, когда Рьйолло сопровождал покидающих крепость боргвинов, воины оставляли столбики, чтобы без труда вернуться обратно. Если эти столбики остались - хорошо. Если же нет, Рьйолло

помнил ориентиры. Когда с описанием пути было закончено, последние жители крепости Харлфундур отправились в путь. Закончится их путь в пещере или в теплой таверне людского города, не знал ни старый Рьйолло, ни они сами, но все понимали: идти было необходимо. Эти тощие молчаливые боргвины были той искоркой от затухающего костра, которая, гонимая ветром, могла бы возжечь новое пламя.

Потом они ушли. И тогда снова повисла тяжелая плотная тишина. Харлфундур замолчал.

Рьйолло же побрел туда, где прошла лучшая часть его жизни. Коридор привел старого боргвина в огромную естественную пещеру, по дну которой протекала теплая подземная река. На берегах ее теснились каменные кубики боргвинских жилищ, и городок этот продолжался ввысь: на реку молча смотрели тысячи окошек, коими были испещрены стены этого исполинского природного зала; огромные ниши, укрепленные величественными колоннами, содержали в себе новые и новые сотни домов. И все это было пусто и мертво. Рьйолло шел по улицам, и стук Бьондунова топорища по мостовой, множась, отскакивал от стен. Вот оно — приземистое, покрывшееся мхом, старое жилище семьи Рьйолло. Старик прошелся по пыльным, заросшим пещерной растительностью комнатам, посидел у пустого камина, предаваясь воспоминаниям. После этого Рьйолло снял с шеи небольшой каменотесный керн, взял булыжник и выдолбил рядом с отметками роста своих детей надпись “Рьйолло Нахрап Камнерез сын Дуна Стеклодува сына Бралрна Железяки” и маленькую выемку, в которую положил это самое керно — свою смертную вещь.

Посидев еще немного между родных стен, старый боргвин направился в производственные норы. Это были просторные залы с высокими потолками, а под ними во множестве располагались небольшие мастерские и висели массивные цепи с тяжелыми крюками. Рьйолло шел среди этого великолепия боргвинского производства, и фэйка выхватывала своим светом верстаки, зубчатые колеса, стойки с инструментами. Утомленный мозг старого карлика сам собой располагал у них занятые делом призраки работяг, пропадающие, когда света становилось достаточно для того, чтобы стала видна вся безжизненность этих мест. Борода Рьйолло была мокрой от слез, когда он добрался до каменотесной мастерской, в которой некогда проводил большую часть дня. Нужен был порох... Разумеется, пороховой склад был пуст. Однако во времена восстания каждый харлфундурский повстанец имел право на тайный схрон, о котором мог знать только он. Да, в те времена никому нельзя было доверять в полной мере. После победы восстания и окончания гражданской войны эти тайники были рассекречены, но, конечно же, ими пользовались еще долго. Никто не может без тайн. Многие хранили в тайниках то, что пригодится в “черный день”, а что может быть черным днем, как не необходимость опять быть повстанцами в захваченной крепости? Поэтому тайники снова заполнялись порохом и оружием. Рьйолло уперся ногами в пол и уронил набок тяжелый каменный стол. Тот упал и разломился пополам, огласив округу оглушительным грохотом, и в ответ где-то под потолком запищали и захлопали крыльями сотни летучих мышей. Подцепив каменную плитку в опоре стола, Рьйолло открыл тайник и на пол покатались, каменные шарики — гранаты, заботливо наполненные особой гремучей смесью. Старик вылил воду из своего бурдюка, распорол его и

сложил внутрь с десяток гранат. Несколько из них он раскупорил и засыпал оставшееся пространство порохом. В швейной мастерской Рьйолло нашел нитки с иглой и зашил весьма потяжелевший бурдюк.

С тех пор, как Рьйолло отправился в Харлфундур, оставив орта Бреку и его бойцов у подножия Вонючей горы, прошло не менее суток. Старый боргвин был утомлен переживаниями и отсутствием сна. Он вышел из крепости, и вечное незаходящее Солнце ударило ему в глаза. Голова закружилась и заболела. Тошнота подкатила к горлу. Рьйолло присел, чтобы привыкнуть к дневному свету. Фуй-фуй села на плечо, сгорбилась и стала торопливо опутывать себя шелком, который спустя час превратится в жесткую куколку. Когда тошнота ушла, а глаза снова стали видеть, Рьйолло с трудом раздвинул массивные створки Харлфундурских врат. Эта часть истории крепости Харлфундур была закончена. Эпоха... Целая эпоха замерла теперь в виде останков там, в темных норах и залах древней крепости.

Обратный путь был тяжелым: бурдюк оттягивал плечо, голова гудела то ли от все еще непривычного дневного света, то ли от недосыпа, страшно хотелось пить. Рьйолло брел вниз, шаркая и хромая, пока внизу, среди древесных крон не стали различимы белые шатры Бреку и его армии. Прежде чем показаться на глаза бойцам, старик закрыл глаза, вытянул руки вперед и несколько раз коснулся горлышка бурдюка. Потом он приосанился, убрал с лица усталый вид и отправился в лагерь.

“Где тебя носит, старый?” — хмуро спросил часовой, ударив боргвина черенком копья в нагрудник. “Надо было грохнуть тебя и никакой возни... Слишком большая честь целой армии ждать какого-то старого говнюка! Ишь чего: мне даже продудеть приказано, когда увижу тебя. Подумать только!” Стражник поднял висящий на шее рог и подул в него, огласив округу печальным завыванием. Не обращая внимания на дерзость солдата, Рьйолло сказал, глядя ему прямо в глаза: “Харлфундур пуст. Передай это своему командиру”, после чего проследовал дальше. Из лагеря вышли двое и повели его в покои орта Бреку. Сразу было видно, что боргвина очень ждали. У старика забрали топор и сняли нагрудник. Рьйолло изо всех сил старался вести себя естественно, чтобы не выдать неестественную тяжесть своего бурдюка и не ударить им случайно о металл, обнаружив тем самым необычность содержимого кожаного сосуда. Однако все прошло гладко, и вот старый боргвин был уже в покоях орта. Конечно же, архивариус Белого Ордена, доктор философии и богословия Сэнтар Кенвортский был подле Бреку и со своей неизменной надменностью смотрел на боргвина.

— Не скрою, Нахрап, я очень рад тебя видеть живым и здоровым, — обнажил зубы в сдержанно-приветливой улыбке орт Бреку. — Но наше дело не терпит отлагательств. Выкладывай же все до одной вести, которые ты нам принес!

— Позвольте доложить, достопочтенный орт Бреку, крепость пуста. Харлфундур в вашем распоряжении. Врата его раскрыты и ни одной живой души за ними нет.

— Что ж... Мне даже немного жаль, несмотря на то, что этот исход лучший из возможных. Стало быть, мы можем идти домой. Солдаты воспримут эту новость с радостью.

— Так... что же с Харлфундуром? Разве не захватить его вы пришли сюда?
Орт снисходительно усмехнулся:

— Захватить? Разве мы варвары, Нахрап? Харл... э-э... -фундур — свободная боргвинская крепость. Все, что нам было нужно — это несотрудничество ее с врагами государства Ингиэльм и Священного Союза. Делали бы вы мебель, никто бы и не обратил на крепость никакого внимания. Но вы делали порох, Нахрап. И могли продолжить этим заниматься.

Рьйолло все прекрасно понимал, но упорно строил из себя простака и делал это ровно настолько же старательно, насколько Бреку строил из себя честного и благородного человека. Орт говорил правду: им не нужно было, чтобы Харлфундур сотрудничал с торгашами. Они будут уничтожать всех, кто был замешан в торговле порохом и с теми, кто вообще знает про эту крепость. Они превратят в золу и пепел все упоминания о Харлфундуре. Найдут и убьют всех, кто некогда изошел из него: их и их родственников. Это дешевле, чем содержать здесь, на окраине людского государства целый гарнизон и контролировать крепость.

— Так точно, орт... Порох. — Пробубнил Рьйолло. — Но сейчас, когда крепость пуста, а пороха в ней ни крупинки, могу ли я остаться здесь? Я стар, и обратный путь кажется мне подвигом, сравнимым с победой в битве, орт. Я бы хотел, чтобы мои дни... А это произойдет уже скоро... Чтобы мои дни окончились здесь.

“Солжет,” — подумал Рьйолло, незаметно раскупоривая бурдюк большим пальцем. — “Скажет, что де так тому и быть и отпустит на все четыре стороны... Была ни была! Если скажет, что им необходимо проверить крепость лично, то утоплю бурдюк в реке. Но он не скажет. А раз так, то как только Рьйолло выйдет за полог шатра, Бреку кивнет ближайшему бойцу и отдаст приказ, молча проведя большим пальцем по шее”.

— Знаешь, боргвин... — Начал Бреку, и Рьйолло напрягся. — Ты ведь свободный человек. Из сбродных. Конечно же, ты можешь покинуть отряд, но...

“Но”? Что “но”? Скажи, что де “ты отличный парень, Нахрап, но мы должны проверить крепость сами”, или что-то вроде этого.

— Но правила есть правила, Нахрап, — продолжал Бреку, не моргая глядя боргвину прямо в глаза. — Я не могу отпустить тебя без оплаты твоего труда на нас. Получи деньги и иди, куда вздумается.

Боргвин опустил глаза.

— Достопочтенный орт, простите мою нескромность, но здоровье мое уже не то. Я так устал с дороги. Не позволите ли вы мне отдохнуть, прежде чем я отправлюсь в путь?

— Конечно, мой дорогой боргвин, конечно!

Рьйолло уселся на пол, вытянул ноги и стал набивать трубку.

— Нахрап, Нахрап! Ну что же ты? Присядь на стул.

— Как вам будет угодно, достопочтенный орт. Эмм. Кхм...Еще одна просьба, не считите за наглость. Не найдется ли огоньку? А то мое огниво отсырело на пещерном воздухе, будь оно неладно.

Бреку бросил боргвину мешочек с огнивом. Некоторое время Рьйолло, пыхтя, возился с трубкой, набивая в нее какое-то травяное месиво, потом долго чиркал кресалом по кремню: руки его дрожали, а ладони вспотели. Наконец, трут затлел, и боргвин понес было его к трубке, но остановил свое движение и произнес: “А знаете, достопочтенный орт... Я, все ж таки думаю, что Харлфундур еще поживет...” Орт взглянул на Рьйолло, увидел в его глазах что-то, и улыбка исчез-

ла с его лица. Сэнтар Кенвортский раскрыл было рот, чтобы выкрикнуть какие-то слова, но дымящийся трут уже воткнулся в горлышко бурдюка.

Те, кто вернулся из этого похода, любили рассказывать о взрыве, который был столь сильным, что по одним сведениям контузил, а по другим и поубивал всех, кто был в пятидесяти шагах от шатра командующего Бреку, да войдет сей честный и смелый орт в Чертоги Света. Взрыв тот положил конец странному походу к подножию Вонючей горы, и армия поспешила вернуться в Ингиэльм. Несмотря на то, что командующий погиб, весть о падении Харлфундура была доставлена и это было равнозначно выполнению поставленной боевой задачи.

Такова история последних дней крепости Харлфундур, и таково окончание истории боргвина по имени Рьйолло Нахрап.

